

МИНОНА

Минона имел странную привычку. Он оглядывался по сторонам даже в запертой квартире. Ему казалось, что кто-то все время следит за ним. Правда, родные и близкие ничуть не удивлялись его привычке. Дело в том, что Минона, оставшись один, любил разговаривать с самим собой. И разговаривал вслух. Довольно громко. Поэтому, когда оставался один, оглядывался по сторонам. А вдруг кто-нибудь каким-то образом, случайно или не случайно, станет свидетелем его диалога с самим собой. Еще, чего доброго, сочтут за сумасшедшего.

Вот и сейчас, оставшись один в квартире, Минона закрыл дверь на внутренний замок. Потрогал ручку двери. Попробовал, дабы убедиться, что она заперта надежно. И облегченно вздохнул. Он зашагал взад-вперед по комнате. Иногда останавливался у зеркала и разглядывал свое отражение. На него смотрело одутловатое лицо с узким лбом. Под круглыми глазами отчетливо выделялись темные мешки.

— Не торопи меня. Не торопи, — сказал Минона узколобому субъекту в зеркале. — Сейчас я сяду за стол. Знаю, меня ждет мой издававший виды чернильный прибор. Я не признаю этих дурацких шариковых ручек. Я их презираю. Как Чарли Чаплин презирал звуковое кино. Но даже Чарли Чаплин сдался. Как он ни сопротивлялся, все равно пришлось снимать звуковые фильмы. А я — нет. Пишу только чернилами. Не торопи меня. Я думаю сейчас над первой фразой. Мне ведь нельзя повторяться...

Он подошел к столу. Осмотрелся по сторонам. Сел за стол. Потянул к себе нижний ящик, в котором лежала кипа белой бумаги. Достал один лист. Посмотрел его на свет, как рассматривают крупные купюры денег. Положил лист перед собой. Наклонился вперед. Достал массивную ручку из инкрустированного чернильного прибора. Задумался. Положил ручку на чистый лист. Встал. Огляделся по сторонам. Походил по комнате. Остановился у окна. Прищурился круглые глаза, посмотрел куда-то вдаль. Неожиданно сорвался с места. Бросился к столу.

Ловко макнул ручку в чернильницу. И начал писать. Лицо его сияло. Казалось, ручка сама несется, как угорелая, по белой бумаге. Макнул перо в чернильницу. Задумался. Встал. Вышел из-за стола. Остановился перед зеркалом. Наклонился вперед, словно желая поцеловать себя самого. Обнаружил прыщ на лице. Начал выдавливать. Подошел к шкафу. Достал из ящика папку. Раскрыл. Перелистал страницу за страницей.

— Вот это именно то, что мне нужно, — вслух произнес он, оглядываясь вокруг, — как раз отсюда мне нужны некоторые данные. Сам Бог послал их мне. Так... Это не то. Это неинтересно. Ага... Вот это уже другое дело. Автобиография. Посмотрим, какая биография у Азатына. Родился... Учился... Стандарт какой. Так-так... Вот это другое дело. Отец скончался... И больше никаких подробностей. Это уже дело. Значит, скрывает правду. Вот я и напишу правду об Азатыне-старшем. Так-так... Брат погиб на войне. И опять никаких подробностей. По-разному погибают на войне. Были и дезертиры. Попадали в плен по своей воле. Вот и напишем — брат был предателем. Кто сомневается, пусть проверит... Так-так... Умерла жена. Помню, помню. Я же был на похоронах. Выразил соболезнование. Умерла. А от чего умерла? Конечно, он довел ее, бедняжку, до смерти. Избивал. Измывался. Изменял. Приводил любовниц в присутствии жены. И под конец подкупил врачей, чтобы те умертвили страдалицу. Пусть проверят. Пусть спросят у покойницы...

Минона посмотрел на себя в зеркало. Подмигнул. Улыбнулся и подошел к столу. Начал писать. Писал долго. Вдохновенно. Мертвую тишину в квартире нарушали лишь скрип пера и время от времени шелест бумаги. Это он из ящика доставал очередной лист. Иногда заглядывал в желтую папку, которую теперь уже переложил на стол. Делал оттуда какие-то выписки.

— Не забыть бы завтра вернуть папку. А то спохватятся. Так-так. А это что? Ах, да! Характеристика. Значит, начальник наш морально устойчив, политически грамотен. Именно об этом и напишем сейчас. Нынче ведь говорят одно, а за столом, за хашем, другое. Вот и напишем о хаше. Напишем и не ошибемся. В нашем деле главное — правда. Чтобы никто бы не сказал: мол, такого быть не могло. А с кем он, наш многоуважаемый Оганес Азатын, якшается? Он ведь не с каждым хаш ест. Деталь важная. Уж наверняка со своим непосредственным шефом не раз сиживали. Да я и сам видел. И помню, как тот не отходил от Азатына на похоронах жены. И помню, как его шеф однажды в больнице

простоял у операционной до тех пор, пока не вывезли Азатына на каталке. Так что небось хаш вместе едят...

Минона макнул перо в чернильницу. Писал размашисто. Четко. То и дело останавливался.

— Это уже третье письмо. Надо сделать так, чтобы не повторяться. Дважды уже приходили. Комиссия за комиссией. Никто и не думал искать автора письма. Так что не буду больше писать левой рукой... Лишние хлопоты. Я сам видел в руках у членов комиссии мое письмо. Оно уже документ. На нем слева наверху красная прямоугольная печать. С ним приписка, отпечатанная типографским способом. Я видел, как носятся с моим письмом, словно с дорогой хрустальной вазой. Не дай Бог уронят. Ведь на приписке сказано — «подлежит возврату». Сейчас нельзя повторяться. Тогда Оганес Азатын хорохорился, мол, проверяйте. Что хотите, мол, делайте, только не мешайте работать. Но я-то знаю — это лишь внешнее спокойствие. Мне секретарша его призналась, что раньше кофе ему носила, а теперь капли от сердца. Так что это лишь маска спокойствия... Только бы не повторяться. Так, что еще есть? Ага! Дети. Всего-навсего один. Студент. Так... Первый курс. Написано в прошлом году. Значит, сейчас парень на втором. Ну что ж! Поступил-то он не без помощи папы. Сумму можно не указывать. А вот то, что парень был освобожден от судебной ответственности — это совсем другое дело. Ясное дело, за это, — за насилие. Откупились деньгами. Так-так... Младший брат Азатына. Я и забыл о нем. Слышал. Недавно защитился. Хирург. В медицине я не мастак. Но тут другое. Чтобы быть допущенным к защите диссертации, нужно, кроме всего прочего, сдать кандидатский минимум по иностранному языку. Кто нынче владеет иностранными языками?! Надо, чтобы вызвали этого самого младшего брата. Пусть проверят — каким таким языком владеет этот кандидат медицинских наук? А если я прав, то правда и то, что председатель комиссии его родной дядя. Значит, и сама диссертация никчемная. В этом нетрудно убедиться. Достаточно добавить, что тему отвергли ранее в другом институте, где нет родных дядей...

Вновь заскрипело перо. И, как прежде, на лице Миноны засияла улыбка, которая еще больше подчеркивала отечные мешки под круглыми глазами. В желтую папку он уже не заглядывал. В ней больше ничего интересного не было. Он писал, уже не останавливаясь. Лишь иногда смотрел по сторонам да нервно макал перо в чернильницу. Все остальное время был

поглощен писанием. Иногда сам себе диктовал. Сказал слово — записал, еще одно — опять записал.

— Дача. Могут, конечно, сказать, что ничего зазорного в даче нет. Это верно. И дача, и автомашина, и дорогая мебель — все это знамение времени. Это даже показатель того, как хорошо живут советские люди. Но ведь Азатян построил дачу на ворованные деньги. Однажды комиссия проверяла, но он купил комиссию, как и дачу. И эти взяточники написали, что, мол, все законно. Что дом ранее принадлежал отцу и матери Азатяна. Однако комиссия не хотела разобраться в том, на какие деньги в свое время отец построил дом. А между тем не мешало бы знать, что отец Азатяна сидел в колонии. Как известно, у нас ни за что ни про что в колонию не сажают...

Минона писал не останавливаясь. Писал все с той же неизменной улыбкой. Раздался телефонный звонок. Он дернулся. Испуганно взглянул на трубку. С лица вмиг сошла улыбка. Взял трубку.

— Да! — сказал недовольным голосом, не успев еще приложить трубку к уху.

— Кошмар какой, — послышался хриплый голос в трубке.

— А, это вы... Не понимаю.

— Разве ты не знаешь?

— Смотря что.

— Да умер же он.

— Кто он? — спокойно спросил Минона.

— Да Азатян умер. Оганес Азатян.

— Что? — едва выдавил из себя Минона.

— Инфаркт. Прямо дома.

— Кто сказал? — спросил Минона, успокоившись.

— Да весь город уже знает. Возле его дома у сквера с утра стоит толпа. И идет еще.

Минона положил трубку. Задумался. Нервно вскочил с места. Походил по комнате. Остановился перед зеркалом. Огляделся. Задумался. Мигнул себе. И решительно зашагал к столу. Торопливо макнул перо в чернильницу. Уставился в исписанный лист. Читал про себя, бесшумно шевеля губами. Улыбнулся. Глубоко вздохнул. Посмотрел на перо. Вновь макнул его в чернильницу. Поставил жирную точку. Спешно достал из ящика конверт. Написал адрес. Вложил туда сложенные вчетверо листы.

Встал. Потянулся, словно желая достать руками потолок. Принял душ. Побрился. Надел чистую сорочку. Завязал яркий галстук. Обратил внимание, что пестрый галстук ничуть не мо-

лодил лицо, но менять не стал. Плотно позавтракал. Последние два глотка чая выпил уже стоя. Вышел на улицу.

Шел он, оглядываясь по сторонам. Остановился у двух почтовых ящиков, висевших друг подле друга на стене в конце квартала. Синий и красный ящик. Прочитал шепотом текст, написанный мелким шрифтом на них. И хоть хорошо знал, что красный ящик для местной внутригородской почты, а синий — иногородней почты, прочитал второй раз — теперь вслух. Ничуть не задумываясь, достал письмо из внутреннего кармана пиджака и бросил в синий ящик. Огляделся. Улыбнулся. Глубоко вздохнул. Бодро зашагал к дому, стоящему у сквера, куда со всех сторон сходились люди. Вскоре он влился в пеструю толпу и затерялся в ней.